

«Жизни Арсеньева». [4, 58]. «В Ельце, моем родном городе, все старинные купеческие фамилии были двойные», - начинает Пришвин первое звено своего автобиографического романа. [5, 9]. В обоих романах подчеркивается специфика быта купцов и елецкого мещанства.

«Кашеева цепь» и «Жизнь Арсеньева» имеют различные стратегии репрезентации автобиографического материала. Стратегически «Жизнь Арсеньева» построена как концепция запоминания/воспоминания. И если для Ивана Бунина основное место в произведении занимает категория «памяти», то Михаилу Пришвину важно показать «медленно, путем следующих одна за другой личных катастроф, нарастающее сознание» своего героя. Различный стиль повествования не мешает, тем не менее, выделить в текстах романов ряд семантических констант, из которых конструируется мемориальное пространство родного писателям уездного города.

Автобиографические романы Ивана Бунина и Михаила Пришвина помогают созданию идеальной модели гуманитарно-географического образа Ельца. Благодаря этим произведениям город выделяется из «серого круга» провинции, обретает свое «лицо» и раскрывается в богатстве своей метафизики.

Библиографические ссылки

1. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – М.: Знак, 2006. – 488 с.
2. Повесть о Темир-Аксаке // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. – 606 с.
3. Елецкая быль. №8. Елец, 1999. – 147 с.
4. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Собр. соч.: в 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т.5. – 477 с.
5. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т.2. – 679 с.
6. Пришвин М.М. Дневники: Книга третья. Дневники 1920–1922 гг. М.: Моск. рабочий, 1995. – 334 с.

М.А. Булгаков и Лебедев: материалы к творческой биографии писателя

*Урютин И.С., д. филол. н., зав. каф.
рус. лит. XX в. и зар. лит. ЕГУ им. И.А. Бунина*

Лето 1938 года в жизни М.А. Булгакова оказалось творчески напряженным и насыщенным значительными литературными и театральными

событиями. Писатель, как либреттист Большого театра, был поглощен работой над либретто оперы «Минин и Пожарский» на музыку Б.В. Асафьева, одновременно правил (а по сути создавал заново) либретто оперы В.П. Соловьева-Седого на «современную тему» «Дружба», обсуждал с композитором С.И. Потоцким сюжет оперы о Степане Разине, осуществлял «экспертизу» либретто оперы «Дума про Опанаса» С.М. Городецкого на музыку В.М. Юровского. При этом вечерами неустанно писал главное произведение своей жизни, получившее уже окончательное название – «Мастер и Маргарита». К концу мая Булгаков завершил последнюю рукописную редакцию «закатного» романа, но прежде чем отдать печатать ее начисто, продолжал вносить некоторые коррективы и изменения в сложившийся текст. Дорожа каждой минутой, художник самозабвенно трудился над заветной Книгой (шлифовал отдельные эпизоды, иногда переписывая их заново, вносил важные штрихи в образную систему) и даже не помышлял об отдыхе, в котором очень нуждался.

Жена писателя, Е.С. Булгакова, часто гостившая на родине своего второго мужа Е.А. Шиловского, лето 1938 года решила провести по семейной традиции в Лебедяни, куда настоятельно рекомендовала приехать и М.А. Булгакову. «Не теряя надежды все-таки увлечь Булгакова из Москвы к солнцу, пляжу и подсолнухам Лебедяни» [8, с. 190], она направляла ему нежные письма, иногда даже по несколько раз в день – утром и вечером, которые по существу представляют собой эпистолярный роман – со своим прологом, фабулой, кульминацией, эпилогом, – «роман о романе» (о творческой истории «Мастера и Маргариты») и «роман о любви» (к «настоящей» Маргарите – Елене Сергеевне). Центральное место в этом «романе», бесспорно, занимает Лебедянь – реальный топоним, городок на Тамбовщине, и обобщенный образ-символ «уездного» бытия русской провинции, где писатель испытал подлинное счастье человеческого существования.

Оказавшись вдали от столичной суеты, в стороне от политических волнений, в атмосфере тишины и спокойствия, Е.С. Булгакова в полной мере ощутила дыхание «живой жизни», не возможное в «раскаленной» (буквально и метафорически!) Москве, где, «кажется, и сил не было дышать» [2, V, с. 7-8]. Это состояние очень точно передал Булгаков в «закатном» романе, работа над которым еще продолжала занимать все его свободное время. В своем первом письме в Лебедянь Булгаков, погруженный в созданный им мир, писал жене о беспокоящем его образе: «Ночью – Пилат. Ах, какой трудный, путанный материал!» [3, с. 463], «Вечером Пилат» [3, с. 464].

Прокуратор Иудейский Понтий Пилат, раздираемый муками совести, страдающий от дикой головной боли, томящийся от несправедливого решения, вынесенного им вопреки собственным симпатиям к Иешуа Га-Ноцри в угоду римской власти, не переставал волновать писателя, обращавшегося вновь и вновь к осмыслению ершалаимской трагедии. В воображении художника явственно вырисовывалась картина знойного утра, бездонного синего неба, на котором ослепительно сияло «солнце, с какою-то необыкновенною яростью сжигавшее в эти дни Ершалаим» [2, V, с. 34], оно испепеляло душу Пилата,

обуглившуюся от греха: «ему показалось, что солнце, зазвенев, лопнуло над ним и залило ему огнем уши» [2, V, с. 42]. Образ солнца – «Солнца Правды», один из центральных в романе «Мастер и Маргарита», в творческом сознании М.А. Булгакова, в соответствии с библейской традицией, был сопряжен с «возмездием и праведным наказанием» [1, с. 666], которое свыше ниспосылается игемону. Вместе с тем символическое значение *солнца* в христианской культуре «весьма разнообразно»: «его свет и ясное сияние означает счастливое состояние» [1, с. 666].

Такое счастливое состояние желал обрести Е.С. Булгаковой, отдохавший в Лебедяни, ее московский мастер: «Пусть лебедянское солнце над тобой будет как подсолнух, а подсолнух (если есть в Лебедяни!) как солнце» [3, с. 464]. О том же мечтал и сам художник: «Постараюсь увидеть во сне солнце (лебедянское) и подсолнухи» [3, с. 466]. «Связующая солнечная нить вводит в одну поэтическую орбиту» древний Ершалаим, современную писателю Москву и «маленькую тихую Лебедянь, проясняя образную структуру романа», в которой, по мнению Н.Н. Комлик, Солнце (наряду с Луной) является «едва ли не главным героем-персонажем» [5, с. 139].

Булгаковское сравнение солнца с подсолнухом, кроме чисто внешнего сходства, имеет глубокую мифологическую мотивировку: цветок подсолнечника символизирует бесконечную преданность любящего человека (по античной легенде, Клития, дочь Океана и титаниды Тефиды, влюбившись в Гелиоса, не могла оторвать от него взор, а когда он двигался по небосклону, поворачивала вслед за ним голову, в конце концов «приросла к земле и превратилась в гелиотроп» [7, I, с. 663]). Величайшая преданность и верность нерасторжимо связывала М.А. и Е.С. Булгаковых, устремлявших друг к другу – вопреки разделявшему их расстоянию – свои сердца. «Подсолнух» в сознании Булгакова стал ассоциироваться с лебедянским отдыхом Елены Сергеевны, которой так не хватало писателю в Москве. Без любимого человека, по его собственному признанию, он стал чахнуть: «Замкнулся совсем. Открыть замок я мог бы только для одного человека, но его нету! Он выращивает подсолнухи! Целую обоих: и человека, и подсолнух» [3, с. 472]. Образ подсолнуха, часто возникающий в письмах М.А. Булгакова, весьма заинтересовал Е.С. Булгакову. Писатель даже специально направил жене «справку из словаря» («Из Брокгауза»), в которой обращал особое внимание на то, что «подсолнечник (*Helianthus*) хорошее медоносное растение» [3, с. 468]. Мед – символ счастья жизни, сладости бытия. Вкусить эту сладость в полной мере, насладиться отдыхом в тихом, укромном уголке глубинной, черноземной России на лоне природы, вдалеке от соблазнов ложной «цивилизации» советовал М.А. Булгаков. «Умоляю, отдыхай <...> ничего не читай, кроме засаленных и растрепанных переводных романов (а может, в Лебедяни и их нет?)» [3, с. 464].

Атмосфера спокойствия, провинциальной скуки (над ней часто иронизировал в письмах Булгаков), размеренный жизненный ритм – все это располагало к неторопливому чтению для души, которому, между прочим, искренне завидовал писатель. В Лебедяни ничто не тревожило Е.С. Булгакову, и она с радостью окунулась в мир книг, но отнюдь не бульварных романов, а

русской классики. В шуточных письмах мужу Е.С. Булгакова упоминала о своем увлечении Жемчужниковым. И хотя, как утверждает Е.А. Земская и «как подтверждают близкие дому Булгаковых лица», в контексте писем Елены Сергеевны и Михаила Афанасьевича «речь шла не о Жемчужникове-литераторе» [2, V, с. 721], создатель бессмертного образа Козьмы Пруткова все же присутствовал в художественном сознании Е.С. и М.А. Булгаковых. «Рожденный» искрометным сатирическим талантом братьев А.М. и В.М. Жемчужниковых в недрах русского Подстепья (по соседству с Лебедянским уездом Тамбовской губернии в деревне Павловка Елецкого уезда Орловской губернии) Козьма Прутков так остроумно высказывался о русской провинции, подмечая самые разнообразные стороны «уездной» жизни, что вызывал бурный восторг у «дачницы» Е.С. Булгаковой и ироничную насмешку столичного жителя М.А. Булгакова. С тех пор, направляя свои письма в Лебедянь, писатель непременно стал упоминать имя Жемчужникова: «Кланяйся Жемчужникову!» [3, с. 471]; «По окончании переписки романа я буду способен только на одно: сидеть в полутемной комнате и видеть и читать только двух людей. Тебя! И Жемчужникова. И больше никого» [3, с. 471]; «не ломай головы над пустяками, занимайся Жемчужниковым!» [3, с. 479].

Кроме Жемчужникова, Е.С. Булгакова упоминала в письмах и других авторов, к которым обращалась во время отдыха. Л.М. Яновская полагает, что «чтение Елены Сергеевны зависело не только от ее вкусов, но и от возможностей лебедянской библиотеки» [8, с. 194]. С этим трудно не согласиться, но вместе с тем выбор произведений из числа хрестоматийно известных был так или иначе созвучен ее духовным потребностям. О лебедянской библиотеке (причем отнюдь не в негативном ключе) Е.С. Булгакова, видимо, писала мужу, если он в одном из писем передавал «привет вашей библиотеке в лебедянском раю! В частности Радищеву!» [3, с. 478]. В другом письме, написанном в этот же день, М.А. Булгаков вновь вспоминает Радищева: «Если удастся навестить рекламируемый тобою рай, рад буду хотя бы раз Радищева перечитать!» [3, с. 479].

Колоссальная фигура А.Н. Радищева в 1930-е годы вызывала повышенный интерес у творческой интеллигенции. «Бунтовщик, хуже Пугачева», обличитель самовластья и пламенный проповедник правды и справедливости, «друг человечества», восславляющий «вольность», неутомимый «путешественник» по русской земле – Радищев казался символом борьбы с тиранией и истинным демократом, о нем писали романы (трилогия О.Д. Форш «Радищев», 1932), ставились спектакли. В свое время (в 1936 году) Б.В. Асафьев предлагал М.А. Булгакову написать либретто оперы на историко-гражданственную тему: «Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское, до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра? В Радищеве?» [3, с. 420]. Тогда М.А. Булгакову катастрофически не хватало времени, кроме текущей работы в театре, отнимавшей много сил и здоровья, он всего себя посвящал заветной книге – «Мастеру и Маргарите». Теперь роман написан, и художник вынашивал новые планы, искал новые образы.

Почти в каждом письме М.А. Булгаков сообщал жене о ходе работы над самым главным своим произведением, которое останется в вечности как память обо всех его радостях и горестях. «Роман уже переписывается» [3, с. 465]; «роман нужно окончить! Теперь! Теперь!» [3, с. 466].

Неоценимую помощь в переписке «Мастера и Маргариты» оказала М.А. Булгакову родная сестра Елены Сергеевны Ольга Сергеевна Бокшанская (1891–1948), бывшая личным секретарем В.И. Немировича-Данченко, долгие годы работавшая секретарем-машинисткой в дирекции Московского Художественного театра. О.С. Бокшанская, в свое время послужившая прототипом Поликсены Торопецкой в «Театральном романе» писателя, имела значительный опыт в печатании под диктовку больших по объему текстов. Известно, что ею была несколько раз перепечатана книга К.С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». Приступив к делу, О.С. Бокшанская приятно удивила М.А. Булгакова своей работоспособностью: «Нужно отдать справедливость Ольге, она работает хорошо. Мы пишем по многу часов подряд, и в голове тихий стон утомления, но это утомление правильное, не мучительное» [3, с. 466].

Как только роман был перепечатан, Булгаков вздохнул с облегчением: теперь уже не осталось никаких препятствий для его поездки в Лебедянь. Е.С. Булгакова хорошо подготовилась для встречи мужа: сняла комнату в просторном доме счетовода В. Андриевского, в погребе которого был хороший «запас пива и нарзана» [8, с. 197], подготовила свечи и старые журналы, а также наняла лодку, чтобы вечерами прогуливаться по Дону.

Булгаков очень любил лодочные катанья, и частые напоминания Елены Сергеевны о прелести лебедянского отдыха, о чистой реке, о песчаном пляже волновали его воображение и все больше «соблазняли» покинуть Москву и направиться в... но не в Ялту, куда первоначально собирался поехать летом 1938 года писатель («Хочу прокатиться до Ялты и обратно» [3, с. 465]), а в Лебедянь: «Сегодня получил соблазняющую меня телеграмму о лодке и подсолнухах. Целую тебя крепко» [3, с. 478]. Писатель томился от разлуки с любимой женщиной, мечтал о скорой встрече с ней, а ее настойчивые просьбы-моления посетить «лебедянский рай» вызывали у него чувство умиления.

Видимо, поэтому Булгаков сначала с определенной долей иронии отзывался о добровольном «изгнании» жены, которую «считал мученицей или, вернее, самоистязательницей» [3, с. 471], поскольку она на целое лето решила удалиться от всех соблазнов шумной столичной жизни и окунуться в однообразие провинциальных будней: «И вообще полагаю, что в начале июля половина Лебедяни покинет город и кинется бежать куда попало» [3, с. 471]. Весьма скептически отзывался писатель и о «рекламируемом» женой купании в верховьях Дона: «Верно ли Саня пишет, что река ему по колено? Купаться-то можно? Сообщи» [3, с. 477]. В этот же день М.А. Булгаков посылает Елене Сергеевне телеграмму, где просит ее срочно ответить: «есть ли купанье» [3, с. 478]. Без купанья, равно как и сопутствующего ему катания на лодке, писатель не представлял себе летнего отдыха.

Однако шуточный тон булгаковских посланий, характерный для первой половины лета 1938 года, постепенно менялся на более серьезный и обстоятельный. Скорее всего, это было связано с тем, что писатель, уже окончательно утвердившийся в мысли о поездке в Лебедянь, устранял возникающие на своем пути последние препятствия, о которых и сообщал Елене Сергеевне. Все было готово к лебедянскому «походу» (роман почти полностью перепечатан, жалованье в Театре получено), вопрос стоял только о конкретных сроках отъезда из Москвы: «Сегодня вечером меня будет смотреть Марк Леопольдович. Тогда все станет яснее» [3, с. 479]. Наблюдавший за здоровьем М.А. Булгакова доктор М.Л. Шапиро констатировал хроническую усталость своего пациента и советовал ему незамедлительно отправляться «в отпуск». Окрыленный предстоящей встречей с Еленой Сергеевной, писатель посылал ей телеграмму за телеграммой («Приеду на днях» [3, с. 483]; «Заказал билеты» [3, с. 483]).

В Лебедяни (Покровская улица, дом 22) Булгаков гостил почти целый месяц (с 26 июня по 21 июля), наполненный благодатным отдыхом (ежедневными прогулками по тихим, зеленым провинциальным улочкам, лодочными катаниями по Дону, пристальными наблюдениями за таинственной луной у Покровской церкви, «в которой когда-то окормляли своих прихожан сначала отец Александр, а затем его зять Иван Дмитриевич Замятин, отец будущего писателя» [6, с. 69]), но вместе с тем и плодотворным трудом. «Труд его был радостен и радостен был не только труд», ведь Булгаков, убеждена Л.М. Яновская, в Лебедяни «был счастлив» [8, с. 197], а счастье для художника – состояние творчества. В обстановке тишины и спокойствия писатель вновь взялся за перо. «На третий же день, - вспоминала Е.С. Булгакова, - он зажег свечи в подсвечниках и стал работать над Дон-Кихотом. Пьеса была им решена в голове еще до Лебедяни – там он только впервые записал ее» [2, V, с. 723]. Интерес к бессмертному роману М. Сервантеса зародился у художника еще в 1937 году, когда режиссер Вахтанговского театра В.В. Куза предложил инсценировать произведение великого испанца. Но только в солнечной Лебедяни М.А. Булгакову удалось воплотить «солнечный» образ Дон Кихота – благородного мечтателя, служителя Истины и Справедливости, рыцаря Света и вечного борца с тьмой.

Проникшись идеями и образами романа М. Сервантеса, оказавшего на художника колоссальное эмоциональное и интеллектуальное воздействие, Булгаков, возвратившись в Москву, долгое время продолжал находиться под его сильнейшим впечатлением. Писатель раздобыл «испанский экземпляр “Дон-Кихота”» [3, с. 487] и с упоением его перечитал. Работа над инсценировкой продолжалась почти все лето, и писатель в письмах Е.С. Булгаковой, остававшейся в Лебедяни, признавался, что «продолжает штурмовать Кихота» [3, с. 492] и очень надеется в скором времени увидеть его постановку в театре («как только сделаю все поправки (а это уже близко), перепишу всю пьесу начисто и развяжусь и с Кихотом, и с Санчо!» [3, с. 493-494]).

Разложив перед собой словари, Булгаков с самозабвением погрузился в изучение испанского языка, чтобы во всей глубине постичь «царя испанских писателей» [3, с. 488]. «Sabe, Ud, el castellano?» (знаете ли вы испанский?) – с этим вопросом, заданным когда-то Людовиком XIV своим придворным, обратился писатель к Елене Сергеевне: «не слишком ли ты позабыла в Лебедяни чудесный язык, на котором писал и говорил Михаил Сервантес» [3, с. 488]. И в Лебедянь полетели булгаковские письма на испанском языке, подписанные «Tu amigo Miguel» – «твой друг Мигель» [2, V, с. 581-582].

М. Сервантес – М. Булгаков. Очень красноречивая и весьма ответственная параллель. Впрочем, Булгакова не покидала самоирония, и он вполне откровенно смеялся над собой и над своим уподоблением великому испанцу: «Воображаю, как хохотал бы Сервантес, если бы прочел мое испанское послание к тебе! Ну, что же подделаешь» [3, с. 488]. Художественный мир Сервантеса, открывавшийся Булгакову все новыми гранями, невольно проецировался на его собственное творчество.

Вернувшись в Москву и с головой окунувшись в работу, писатель ни на минуту не забывал о счастливых мгновениях, проведенных на лебедянской земле, подарившей ему сладость вдохновения и ощущение радости бытия. «Вспоминаю луну возле церкви и погружаюсь в московские заботы» [3, с. 486]; «Вспомнил я Дон, песчаное дно!» [3, с. 492]; «Я с глубокой нежностью вспоминаю, как ты охраняла мой покой в Лебедяни» [3, с. 500] – *воспоминание* становится лейтмотивом переписки Булгакова с женой, по которой очень тосковал художник («Вспоминаю тебя и целую» [3, с. 492]).

Одиночество, которого всегда боялся писатель, снова начало его угнетать: в голову стали приходить печальные мысли, которые нелегко было развеять. В письмах к Елене Сергеевне появились едва заметные нотки грусти: «Когда будешь погружаться в воду, вспомни меня» [3, с. 488]. В Москве у М.А. Булгакова вновь участились приступы тоски, появилась какая-то тревога, первоначально, видимо, связанная с известием о печальном событии: «Станиславский умер» [3, с. 495]; «Как ты понимаешь, я нахожусь под впечатлением смерти Константина и все раздумываю, раздумываю», «мысли мои тяжелые, навязчивые» [3, с. 500]. Отсутствие рядом близкого и родного человека, способного поддержать в трудную минуту, едва не приводило писателя в отчаяние. К тому же Булгаков почувствовал серьезное недомогание и сообщил об этом в телеграмме жене («Крайне встревожен здоровьем. Не нужно ли тебе срочно вернуться в Москву» [3, с. 494]). Булгаков буквально умолял Елену Сергеевну покинуть Лебедянь («Нечего там больше сидеть» [3, с. 498]) и как можно быстрее приехать домой, потому что без нее – «кошмар». Писатель признавался, что очень устал и нуждается в духовной опоре, «мечтает об одном – зажечь лампу и погрузиться в тишину» [3, с. 498]. Известие о скором возвращении Е.С. Булгаковой вдохнуло в художника силы, которые были почти на исходе: «итак, ты выезжаешь 14-го? Очень хорошо» [3, с. 498].

С приездом Е.С. Булгаковой в Москву началась обычная, размеренная жизнь, полная насущных забот и творческих планов. «Лебедяньское лето» закончилось, но в душе М.А. Булгакова оставило неизгладимый след: это было

благодатное время безмятежного отдыха и наслаждения, радости бытия и подлинного человеческого счастья. Яркое, как подсолнух, солнце, лодочные катания по Дону, вечерние прогулки по тенистым улицам Лебедяни, очарование лунных ночей – и напряженная, вдохновенная работа «при свечах» над «Мастером и Маргаритой» и «Дон Кихотом». Судьба подарила писателю желанный земной покой, чтобы совсем скорого, через полтора года, даровать покой вечный.

Вспоминая «беседы, которые особенно легко и интересно завязывались <...> приблизительно в те же годы, во время <...> прогулок <...> около Сухуми или в Лебедяни», Е. Калужский, актер МХАТа и друг М.А. Булгакова, отмечал удивительную черту художника – «его любовное восприятие жизни, его внимание и интерес к людям, к их внутреннему миру и сути» [4, с. 252-253]. Поразительная, поистине «всемирная отзывчивость» отличала М.А. Булгакова, не только откликавшегося в своем творчестве на проблемы русского национального самосознания, но и проникавшего в глубины других культур, открывая в них универсальные смыслы, улавливая созвучия и духовные ассонансы.

Библиографические ссылки

1. Библейская энциклопедия / Сост. архим. Никифор. Репринтное изд. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
2. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1989-1990.
3. Булгаков М. Дневник. Письма. 1914 – 1940. М.: Современный писатель, 1997. 640 с.
4. Калужский Е. Человек и друг // Воспоминания о Михаиле Булгакове: Сборник. М.: Советский писатель, 1988. – 528 с.
5. Комлик Н.Н. Лебедянские реалии и их художественное преломление в творческой биографии М.А. Булгакова // Два Булгакова. Разные судьбы: В 2 кн. Кн. 2. Михаил Афанасьевич. М.; Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. С. 137-144.
6. Комлик, Н.Н. Творчество Е.И. Замятина: Лебедянский путеводитель. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003. 241 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. редактор С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994.
8. Яновская Л. «Беседовать с тобою одной». Из писем Михаила Булгакова к жене // Октябрь. 1984. №1. С. 189-201.

Туристско-краеведческая деятельность как средство формирования подросткового коллектива

*Фокин С.П., к.пед.н.,
доцент, кафедра страноведения и туризма
ИМВ НАУ*

Подростковый коллектив - органическая ячейка общества, через которой реализуется воспитательный потенциал общества, накапливается социальный опыт межличностного общения. Но, как показывает практика, не любой